

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212309-322>

Исследовательская статья

Амирханов Хизри Амирханович
д.и.н., академик РАН
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amirkhanov@rambler.ru

Магомедов Рабадан Гаджиевич
к.и.н., руководитель Великентской археологической базы ИИАЭ
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mag-rabadan@yandex.ru

Чечушкова Дарья Игоревна
старший лаборант, аспирант
Институт археологии РАН, Москва, Россия
Dstulova@list.ru

ДАНУХСКИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. На Северо-Восточном Кавказе до настоящего времени выявлено крайне мало неолитических памятников с сохранившимся культурным слоем. На этом фоне заметным событием стало открытие в 2006 г. двух новых стоянок указанной эпохи на Харибском перевале на территории Гумбетовского района Республики Дагестан. Данные объекты были зафиксированы экспедицией Р.Г. Магомедова, обеспечивавшей археологический мониторинг в ходе строительно-дорожных работ, связанных с прокладкой магистрального газового трубопровода. До настоящего времени они остаются на разведочной стадии исследования. На обоих памятниках сделаны сборы археологического материала с участков, потревоженных строительными работами. На стоянке Данух 1 сделана, помимо этого, раскопная врезка в склон, которая выявила наличие здесь сохранившегося культурного слоя. Спецификой местоположения памятников является их приуроченность к высокогорному перевалу, соединяющему Внутренний Дагестан с районами предгорий и Прикаспийской низменности. Уже одно это ставит вопрос о возможности рассмотрения на основе материалов вновь открытых памятников проблемы соотношения культуры в неолите горной и равнинной частей рассматриваемого региона. Другим значимым вопросом, требующим своего освещения, является разгадка того, с чем связана приуроченность рассматриваемых памятников непосредственно к горному перевалу, который, с точки зрения природно-географических условий, нельзя отнести к сколько-нибудь благоприятным для долговременного обитания человека. Ответы на эти вопросы авторы видят в том, что, во-первых, в неолите имело место глубокое проникновение в горы традиций носителей культуры Прикаспийской равнины. И, во-вторых, расположение памятников у перевала объясняют особенностями охотничьего промысла обитателей данухских стоянок.

Ключевые слова: Дагестан; неолит; стоянки; Данух 1; Данух 2; каменный инвентарь; специфика охоты; природная ловушка.

Для цитирования: Амирханов Х.А., Магомедов Р.Г., Чечушкова Д.И. Данухские неолитические стоянки в Горном Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 2. С. 309-322. doi.org/10.32653/CH212309-322

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212309-322>

Research paper

Hizri A. Amirkhanov
Dr. Sci., Acad. of RAS
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
amirkhanov@rambler.ru

Rabadan G. Magomedov
Cand. Sci., Head of the Velikent Archeological base
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mag-rabadan@yandex.ru

Daria I. Chechushkova
Senior Lab. Assistant
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
Dstulova@list.ru

DANUKH NEOLITHIC SITES OF THE MOUNTAINOUS DAGESTAN

Abstract. In the North-Eastern Caucasus, very few Neolithic sites with preserved cultural layers have been identified to date. In this context, the discovery in 2006 of two new sites from this period at the Kharib Pass in the Gumbetovsky District of the Republic of Dagestan was a significant event. These sites were documented by an expedition led by R.G. Magomedov, which conducted archaeological monitoring during road construction work related to the laying of a main gas pipeline. To date, these sites remain at the reconnaissance stage of investigation. At both sites, archaeological materials were collected from areas disturbed by construction activities. At the Danukh 1 site, an additional exploratory trench was made into the slope, revealing the presence of a preserved cultural layer. A distinctive feature of these sites is their location at a high-mountain pass connecting Inner Dagestan with the foothill regions and the Caspian Lowland. This alone raises questions about the potential to examine, based on the materials from these newly discovered sites, the relationship between the Neolithic cultures of the mountainous and lowland parts of the region. Another significant issue requiring further exploration is understanding why these sites are specifically located at a mountain pass, which, from the perspective of natural and geographical conditions, cannot be considered particularly favorable for long-term human habitation. The authors propose that, firstly, during the Neolithic, there was significant penetration of the cultural traditions of the Caspian Plain into the mountains. Secondly, the location of the sites at the pass is explained by the specific hunting practices of the inhabitants of the Danukh sites.

Keywords: Dagestan; Neolithic; sites; Danukh 1; Danukh 2; stone inventory; hunting practices; naturally formed trap

For citation: H.A. Amirkhanov, R.G. Magomedov, D.I. Chechushkova. Danukh Neolithic sites of the Mountainous Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 2. P. 309-322. doi.org/10.32653/CH212309-322

Введение

Своеобразной визитной карточкой неолита горных областей Дагестана и Северо-Восточного Кавказа (рис. 1) является, как известно, яркая археологическая культура, представляемая Чохским поселением [1; 2; 3; 4]. В предгорной же полосе и приморской равнине Дагестана неолит представлен памятниками с характеристиками резко отличающимися от Чохской культуры. Сами материалы указанных памятников (Буйнакская стоянка; местонахождения: Тарнаир, Алмало 1, 2, Уйташ 1, 2, 3) были опубликованы большей частью предварительно, без детализации и контекстуального анализа в 50-е годы прошлого века [5; 6; 7; 8; 9].

Вопрос об указанных различиях до недавнего времени в литературе акцентированно не рассматривался. Сопоставление и детальный сравнительный анализ культурных особенностей горного и предгорно-равнинного неолита данной территории остается в повестке будущих исследований. Поэтому в стороне от внимания исследователей остается пока и проблематика культурного взаимодействия (или отсутствия такового) обитателей двух разных природно-географических зон – гор и приморских степей в неолите Северо-Восточного Кавказа. Интересными в данном аспекте были бы такие проблемы, как тенденции и содержание культурного процесса, состав технико-типологических компонентов в изучаемых массивах материалов, их структура, а также роль местных и заимствованных элементов в формировании локальной специфики археологических общностей. Важной была бы фиксация различий или сходства хозяйственных занятий носителей разных культурных традиций. Естественно, все эти вопросы невозможно рассмотреть сколько-нибудь подробно в одной статье. Цель данной работы состоит в представлении новых неолитических материалов Горного Дагестана с учетом и в контексте указанного круга проблем.

Материалы

В настоящее время приходится исходить из того, что имеется большой дефицит качественных, т.е. хорошо стратифицированных и достаточных в количественном отношении материалов, которые составляли бы необходимую базу для характеристики неолита Северо-Восточного Кавказа. И перспективы здесь, к сожалению, тоже не слишком обнадеживающие. Новые исследования и раскопки невозможны на большинстве уже известных памятников. Места расположения Буйнакской стоянки и местонахождения Тарнаир сейчас полностью застроены; в разной степени освоены площади местонахождений Уйташ и Алмало, где, впрочем, и изначально не выделялись участки с сохранившимся культурным слоем. Ввиду этого, во много раз возрастает значение материалов по данной теме, происходящих из вновь открытых стратифицированных памятников. К единичным пока объектам такого рода в Дагестане принадлежат стоянки Данух 1 и Данух 2.

Названные памятники были открыты в 2006 г. в ходе охранно-спасательных археологических работ при прокладке магистральной линии газопровода в горные районы Дагестана [10]. Расположены они непосредственно на перегибе Харибского перевала, примерно, в 300 м. в сторону Внутреннего Дагестана от водораздельной линии пролегающей здесь части Андийского хребта. Расстояние между самими памятниками по прямой составляет, примерно, 250 м (рис. 2).

Харибский перевал – это своеобразные ворота, соединяющие пространства предгорий и прикаспийской равнины с районами Внутреннего, т.е. среднегорного и высокогорного Дагестана. Внешне он представляет собой глубокую седловину в водораздельной части, пролегающего здесь участка хребта. Наиболее высокая точка хребта на данном участке приходится на гору Кырк и составляет 2686 м н.у.м. Данные о высоте седловины самого перевала разнятся на несколько метров; чаще всего говорится о значении 2447 м н.у.м.

Обе данухские неолитические стоянки расположены, примерно, на 150–200 м ниже указанного уровня и, как указано выше, в 300 м от линии его перегиба в сторону внутригорного Дагестана. Ближайшие к стоянкам современные села – Данух и Артлух. В административном отношении территория расположения памятников относится к Гумбетовскому району Республики Дагестан.

Археологический материал в виде кремневых изделий залегает на обеих стоянках в голоценовой почве на относительно небольшой глубине. По этой причине в слое не сохраняется кость, а кремневый

материал подвергался здесь сильной патинизации и воздействию биотурбаций, характерных для естественных почвенных процессов.

Достоинством стоянок является то, что они являются однослойными и тут не возникает проблемы смешения разновозрастного материала. Находки залегают компактно; они не сильно разведены по вертикали и представляют собой остатки местообитания, существовавшего в древности на протяжении относительно непродолжительного времени.

Стоянка Данух 1

Как отмечено выше, открыта вместе с соседней стоянкой Данух 2 в 2006 г. Р.Г. Магомедовым. В геоморфологическом отношении стоянка связана с точкой, откуда начинается крутой перегиб, переходящий затем в вертикальную стену С-В крыла Харибского перевала. Участок, занимаемый стоянкой, представляет собой тыльную часть короткого мысовидного выступа, ориентированного, в основном, на юг. Размеры мыса: ширина в тыльной части – 35 м; длина – около 50 м. С востока и запада мыс ограничивают начальные части небольших оврагов. Здесь овраги неглубокие, но уже в 200–300 м вниз по течению они достигают глубины до нескольких десятков метров. Впадают овраги в ущелье речки Хариб – приток реки Гадари. Последняя, в свою очередь, впадает в одну из четырех основных рек Внутреннего Дагестана – Анди-ор (Анди-ор (Анди-орское Койсу)).

Точные границы памятника пока не выявлены, но нетрудно предположить, что площадь стоянки ограничивается размерами самого мыса. Судить о стратиграфическом положении археологических находок позволяют разрезы, полученные в 2007 г. врезкой в южный склон мыса (рис.3). Размеры врезки: глубина вреза в склон (в основании) – 1,5 м, ширина – 1 м, глубина прокопа – 1 м. Согласно им, культурные остатки залегают преимущественно в нижней части голоценовой почвы горно-лугового типа.

Детальный разрез отложений памятника выглядит в следующем виде (рис. 3).

Слой 1. Темно-серый до черного сильно гумусированный комковатый легкий суглинок, пронизанный корнями современной сплошной травянистой растительности. Частично переработан ходом грызуна (?). В нижней части содержит редкие археологические находки в виде кремневых изделий. Мощность – 20–22 см.

Слой 1а. Светло-серый оглеенный более плотный суглинок. Выброс из ямы? Максимальная мощность – 16 см.

Слой 1б. Серовато-коричневый средний суглинок. Заполнение кротовины из переработанного материала слоя 2? Максимальная мощность – 14 см.

Слой 2. Коричневатый средний гумусированный суглинок ореховатой структуры. Содержит значительное количество археологических остатков в виде кремневых изделий (в т.ч. подвергшихся воздействию огня).

Слой 3. Цоколь – темно-серый глинистый сланец юрского периода трещиноватой тонкоплитчатой структуры. Археологических находок не содержит. Прослежен в глубину на 50 см.

Поддавливающее большинство находок, происходящих из врезки, обнаружено в слое 2. Соответственно, именно этот литологический горизонт и может быть обозначен, как культурный слой. Хотя, нужно отметить, что отдельные находки обнаруживаются и в дерновом слое 1.

Площадь сборов находок с поверхности составила, примерно, 10×15 м и связана большей частью с местом современного строительного разрытия, осуществлявшегося для прокладки газовой магистральной трубы.

Вся коллекция находок памятника вместе включает в себя материалы, которые происходят из сборов 2006 г., осуществленных Р.Г. Магомедовым, а также полученные при участии Х.А. Амирханова и Р.Г. Магомедова из указанной врезки 2007 г. Общее количество кремневых изделий, полученных из Данух 1, составляет 152 предмета. Из этого количества на площадь врезки приходится 40 находок. С технико-типологической точки зрения никаких качественных отличий материала, происходящего из врезки, в сравнении с коллекцией находок из сборов с поверхности не существует. Примечательно, что на некоторых изделиях из врезки, включая один нуклеус, отмечаются явные следы сильного воздействия огня.

Сырьем для каменной индустрии памятника служил кремьнь трех разновидностей: черного, тёмно-серого, и светлого полупрозрачного оттенков. На кремьнь черного цвета приходится 9% общего состава находок; кремьнь светлый полупрозрачный составляет 64% всего каменного инвентаря. Остальная часть сырья представлена кремнем тёмно-серого оттенка.

Интенсивность патины на изделиях различается в зависимости от типа сырья. Предметы из наиболее качественного полупрозрачного кремня покрыты равномерной сплошной «молочной» патиной, маскирующей естественный цвет кремня. На предметах черного цвета патина мелкоточечная, белесоватая. На кремневых изделиях тёмно-серого цвета патина почти не заметна.

Сохранность поверхностей изделий хорошая. Механические повреждения и/или признаки окатанности не наблюдаются.

Типологический состав находок стоянки Данух 1 приводится ниже по отдельности для врезки и сборов с нарушенной строителями поверхностью памятника (рис. 4).

Состав коллекции изделий из раскопной врезки следующий:

<i>Нуклеус отжимной призматический</i>	1
<i>Микропластинка</i>	2
<i>Отщеп</i>	10
<i>Чешуйка</i>	15
<i>Осколок</i>	2
Итого:	30

Учитывая, что площадь врезки не превышает 1 кв. м, на квадратный метр приходится не менее 40 находок. Следовательно, плотность залегания материала здесь достаточно высокая.

Более обширным является приводимый далее типологический список материала, происходящего из сборов с поверхности.

Нуклеус

<i>Нуклеус отжимной призматический</i>	4
<i>Нуклеус отжимной конический</i>	2
<i>Нуклеус карандашевидный</i>	1
<i>Обломок отжимного нуклеуса</i>	1

Заготовка

<i>Микропластинка</i>	19
<i>Пластинка</i>	10

Орудие

<i>Скребок концевой на пластине</i>	3
<i>Трапеция низкая</i>	1

Отходы производства

<i>Отщеп</i>	33
<i>Чешуйка</i>	24
<i>Осколок</i>	14
Итого:	112

Стоянка Данух 2

Материал стоянки Данух 2 состоит из небольших сборов Р.Г. Магомедова 2006 г. и материалов, собранных Х.А. Амирхановым и Д.И. Чечушковой в 2021–2022 гг. на площади 10×6 м. Общее количество

находок кремневых изделий составляет 106 предметов. Раскопочные работы на стоянке Данух 2 не производились. Сбор материала здесь был осуществлен на площади строительной вскрыши при прокладке газовой трубы. Даже с учетом строительных разрушений на этом памятнике, как и на стоянке Данух 1, имеются неплохие перспективы для планомерных раскопок на широкой площади. Учитывая, что сразу под голоценовой почвой здесь залегают сланцы юрского периода, залегание неолитических материалов следует ожидать непосредственно в почвенном слое.

Тип исходного сырья и пропорции его разновидностей, сохранность и патинированность предметов здесь примерно такая же, как и в материале, обнаруживаемом на стоянке Данух 1.

Приведем ниже типологический состав коллекции кремневых изделий стоянки Данух 2.

Нуклеус

<i>Нуклеус отжимной призматический</i>	<i>4</i>
<i>Нуклеус отжимной конический</i>	<i>4</i>
<i>Обломок отжимного нуклеуса</i>	<i>1</i>

Орудие

<i>Скребок концевой (на пластинках)</i>	<i>3</i>
<i>Скребок концевой (на пластинах)</i>	<i>3</i>
<i>Трапеция низкая</i>	<i>3</i>

Заготовки

<i>Микропластинка</i>	<i>19</i>
<i>Отщеп</i>	<i>43</i>

Отход производства

<i>Обломок</i>	<i>9</i>
<i>Осколок</i>	<i>12</i>
<i>Чешуйка</i>	<i>7</i>
<i>Итого</i>	<i>104</i>

Несмотря на свою относительную немногочисленность, инвентарь каждого из двух памятников позволяет определить функциональный тип рассматриваемых памятников и отнести их к стоянкам-мастерским. Состав имеющихся в коллекциях технологических сколов указывает на то, что здесь представлены все стадии обработки кремня, возможно, за исключением первичных операций по оформлению нуклеусов. В технологическом отношении главным показателем является наличие продвинутой отжимной техники получения микропластинчатых заготовок. С функциональной точки зрения существенно наличие в инвентаре скребков и элементов вкладышевых орудий. С морфологической точки зрения диагностичным является присутствие геометрических форм в виде низких трапеций.

Само расположение стоянок – практически на вершине перевала – исключает возможность их круглогодичного функционирования. Этот горный участок и в наши дни известен своим суровым климатом в холодное время года. Для зимнего сезона здесь обычны жестокие морозы, продолжительные метели и глубокие снежные заносы. Одного этого достаточно, чтобы определить данухские неолитические памятники как сезонные и отнести их функционирование к теплomu времени года. Далее будет приведен аргумент в пользу отнесения их предположительно к поздней весне, когда проходит миграция диких стадных копытных из предгорной равнины на горные пастбища.

По своим технико-типологическим показателям кремневый инвентарь двух рассматриваемых памятников является идентичным. Его наиболее важной технологической характеристикой является широкое использование в первичном раскалывании отжимного нуклеуса. Соответственно, в составе заготовок видное место занимают микропластинки. С типологической точки зрения существенным является то, что геометрические формы на обоих памятниках представлены только низкими разновидностями трапеций.

Судя по тому, что на обеих стоянках представлен весь цикл обработки кремня от нуклеуса до законченных орудий, рассматриваемые объекты можно определить, как стоянки-мастерские. Здесь

осуществлялась разнородная активность, предполагающая не только изготовление орудий для добычи пищи, но и бытовую деятельность. О последнем говорит, например, наличие в инвентаре скребков. При этом мы не видим здесь таких важных изделий, как остря (кремневые наконечники). Учитывая нацеленность первичного раскалывания на рассматриваемых стоянках на получение микропластинок, нельзя исключить, что остря заменяли здесь костяные вкладышевые наконечники. Не исключено и то, что это объясняется спецификой охоты, в котором стрела не являлась основным орудием добычи объекта охоты. Общая немногочисленность находок, происходящих из данухских памятников, может свидетельствовать о непродолжительности функционирования этих стоянок.

Основанием для общей археологической датировки данухских памятников являются такие показатели, как представленность здесь отжимной техники первичного раскалывания и, соответственно, отжимных нуклеусов, преобладание микропластинок в составе заготовок, наличие геометрических изделий в виде низких трапеций. Набора этих признаков для рассматриваемого региона достаточно, чтобы отнести оба памятника к неолиту. Археологическим признаком, указывающим на место обоих памятников в шкале относительной датировки неолита Северо-Восточного Кавказа, можно считать отсутствие изделий, определяемых обычно как трапеции со струганой спинкой. Если этот признак связан не с малочисленностью данных коллекций и отражает реальную картину типологического состава инвентаря, то данухские стоянки достаточно уверенно можно отнести к какому-то из этапов раннего, а не позднего неолита.

С точки зрения культурной атрибуции столь же определенно можно говорить об отличиях данухских стоянок от характерной для Внутреннего Дагестана чохской неолитической культуры и явной близости их к называвшимся выше неолитическим памятникам предгорных и прикаспийских районов Дагестана. В инвентаре рассматриваемых памятников отсутствует культуроопределяющий для Чоха тип изделий – своеобразные наконечники стрел (острия чохского типа). Нет тут даже и намек на наличие органичных для чохских материалов плоских мелких нуклеусов для отщепов, с которых, в частности, получали заготовки для названных специфичных остриев.

Для культурной идентификации значимо не только полное отсутствие здесь ведущих форм орудий в виде остриев чохского типа, но существенные различия в геометрических изделиях, свойственных чохской и данухским памятникам. Речь идет о таких репрезентативных формах, как трапеции. В неолитическом слое Чоха основной тип трапеции связан с высокой формой. Последние здесь варьируются от изделий с необработанным верхним основанием, до образцов в виде «рогатых» трапеций. Соотнесение разновидностей орудий данного типа с наконечниками стрел поперечнолезвийной формы не требует дополнительных обоснований. Низкие трапеции данухских стоянок не идентичны ни типологически, ни функционально высоким трапециям неолитического слоя Чоха. Они представляют собой не поперечнолезвийные наконечники стрел, а элементы вкладышевого наборного лезвия костяных орудий.

Таким образом, в археолого-культурном отношении данухские стоянки представляют собой памятники степного и предгорного неолита, которые внедрены достаточно далеко в горную часть Дагестана. Еще дальше во внутригорную область региона проникали лишь люди, оставившие Матласскую стоянку на Хунзахском плато [11]. Если исходить из того, что данухские стоянки принадлежали охотникам на диких баранов, располагавшимся на естественном миграционном пути, и учесть расположение стоянок относительно седловины перевала, то сезон функционирования последних должен соответствовать поздней весне, когда происходит миграция с равнины в горы на летние пастбища. Поздней осенью по этому же пути происходит обратная миграция с гор на равнину. Соответственно, памятники, относящиеся к этому сезону, с большой вероятностью должны располагаться по другую сторону от седловины перевала.

Стена-ограждение напротив створа Харибского перевала в контексте данухских стоянок

Помимо неолитических стоянок на рассматриваемом участке Харибского перевала имеются также единичные разрозненные археологические находки в виде фрагментов керамики эпохи бронзы и более поздних эпох. Они обнаруживаются на современной поверхности и не образуют структурированных комплексов. В непосредственной близости от неолитических стоянок подобные находки отсутствуют.

К описываемому роду находок относятся также два объекта в виде руинированных остатков длинной стены (рис. 5) и 3 прямоугольные площадки, выложенные камнем. Данных, свидетельствующих о синхронности этих двух типов объектов, как и возможностей получить для них прямые датировки не имеется. Прямоугольные каменные выкладки, размерами 6×14 м, 6×13,5 и 6,5×20,4 м, сложены из не стандартизованных, не обработанных камней, выложенных в один слой без особой тщательности и не образующих сплошной вымостки. Данные конструкции отстоят от длинной стены на расстоянии 35–38 м и параллельны между собой по продольным осям, ориентированным по линии СВ-ЮЗ. Какие-либо археологические находки, которые можно было бы связать с этими выкладками отсутствуют. Судя по взаимному планиграфическому соответствию, сами выкладки можно считать одновременными друг другу. Что же касается их соотношения с упомянутой длинной стеной, то ничто не говорит об их синхронности. Напротив, есть основания для утверждения об их разновременности. Аргументом в пользу этого служит то, что для сооружения выкладок, о которых идет речь, с большой долей вероятности использован каменный материал, полученный благодаря разборке стены.

Руинированная длинная стена сохранилась на высоту одного-двух камней кладки. Вдоль неё практически отсутствуют признаки развала от разрушения, что можно объяснить тем, что камни были отсюда позднее перемещены при сооружении указанных выше каменных выкладок. Остатки основания стены достаточно аккуратные. Признаки использования раствора не отмечаются. Кладка в ширину двухрядная. Длина стены в отчетливо видимом состоянии равна 40–45 м. Направление и место расположения относительно рельефа – вдоль линии створа Харибского перевала напротив него (рис. 6). В пространственном отношении сохранившиеся руины стены занимают в длину чуть меньше половины плоской (удобной) части «коридора», ведущего от створа перевала в сторону Внутреннего Дагестана.

Восточный конец стены доходит до участка, откуда начинается набирающий довольно резкий перегиб к склону горы, образующей восточное крыло перевала. Западный конец почти упирается в вертикальный скальный обрыв. Расстояние от него до края обрыва – около 3 м. Именно в этом месте имеется узкий (в виде тропинки) спуск из перевального коридора круто вниз, в своеобразную нишу, образовавшуюся естественным образом в скальном массиве. Размеры ниши на глаз, около, 35×15 м. Иного, чем указано выше, входа и выхода из ниши не существует. Внешние границы ниши образует край глубокой пропасти, а внутренние – вертикальная скальная стена высотой не менее 4 м. Дно ниши горизонтальное. Таким образом, это идеальная природная ловушка для пассивной загонной охоты. Внутри себя она не требует искусственных заграждений и предоставляет надежную защиту от хищников. Этот объект и в наши дни служит готовым природным загонem для стад домашних животных. Было бы странно, если бы он не использовался в качестве естественной ловушки для практикуемой человеком в древности охоты в виде отлова стадных животных.

Приведенные характеристики стены в сочетании с ее расположением относительно неолитических стоянок и перевала, а также отсутствие данных в пользу датировки данного сооружения более поздним временем, допускают предположение о синхронности неолитических стоянок и описываемой стены, а также использования последней в качестве преграды при охоте на мелких копытных в виде перехвата (загонного отлова) стада или его части.

Специфика вероятной охотничьей деятельности обитателей данухских стоянок (интерпретации)

По данным мезолитических и неолитического слоя Чохского поселения известно, что, начиная с финала плейстоцена и до среднего голоцена включительно, главным объектом охоты человека в Центральном Дагестане были мелкие копытные – муфлонообразный баран и безоаровый козел. Это два вида, которые поддавались одомашниванию, и в неолитическое время оба они были здесь одомашнены. До своего одомашнивания на протяжении всей мезолитической эпохи эти животные оставались на Северо-Восточном Кавказе главным объектом охоты человека. Охота на них составляла основу жизнеобеспечения и обитателей Внутреннего Дагестана. Соответственно, хозяйственная практика и охотничья стратегия человека соотносилась с особенностями этологии и природных циклов данных копытных.

Известно, что охотничий арсенал человека в каменном веке был разнообразным, а иногда способы охоты были изощренными. В литературе описаны разновидности и коллективной, и индивидуальной охоты. Основные из них включают в себя следующие виды: складывание, засада, выслеживание, преследование, загонная охота [12]. Описываемый нами вид охоты не относится ни к одному из перечисленных. Он ближе всего к загонной охоте. Но отличается тем, что является не активной ее формой. Вид охоты, который мы имеем в виду, можно определить, как пассивную коллективную охоту в виде перехвата стада мелких копытных без немедленного забоя животных. Пассивная она потому, что не требует использования охотничьего вооружения. Задача загонщиков при данном виде промысла состоит не в том, чтобы направить животных в сторону группы охотников-стрелков, а в перехвате и загоне группы животных в ловушку.

Таким образом, перехват стада – это не типичная облавная охота на копытных в горной местности, когда расчет охотников состоит в овладении объектом охоты путем его поражения, забоя добычи в ходе преследования, а в перехвате стада с возможностью его последующего содержания в неволе на протяжении определенного времени.

Велика вероятность того, что при описываемой форме охоты неолитические обитатели данухских стоянок практиковали контролируемое содержание в неволе диких баранов, а также отбитие и временное «придомное» содержание молодняка. К моменту весенней миграции на горные пастбища в стадах присутствовало достаточно много ягнят возрастом, примерно, в 3 месяца. Ягненок муфлона уже через два часа после рождения становится на ноги и способен следовать за матерью, а через четыре недели после рождения переходит на подножный корм. Таким образом, к середине и, во всяком случае, к концу весны он уже точно физически готов к миграции на летние пастбища. Известно, что во время миграций группы муфлонов сбиваются в стада, состоящие от нескольких десятков до сотни голов. Вполне допустимо, что, по крайней мере, треть из них приходилась на ягнят, которых в отличие от крупных особей, было относительно нетрудно отбить от стада. При отработанных годами навыках подобной охотничьей практики мигрирующие стада и без ягнят становились уязвимыми для охотников, как при общераспространённых методах их добычи, так и в описываемой здесь форме массового загонного отлова. Задачу подобной охоты облегчало существование рядом со стоянками естественной ловушки, подробно описанной выше.

Заключение

Стоянки Данух 1 и Данух 2 являются стратифицированными неолитическими стоянками на пути регулярных миграций стадных копытных из среднегорья в предгорье и Прикаспийскую низменность и обратно. Функционирование этих памятников было связано, с большой долей вероятности, с охотничьим промыслом во время весенней миграции животных на летние пастбища с северного направления во внутригорные районы современного Дагестана. Культурные особенности каменного инвентаря данных стоянок указывают на их существенное отличие от Чохской археологической культуры, характерной для горных районов. Данухские стоянки принадлежат к кругу памятников неолита Прикаспийской низменности и предгорий Дагестана. В историческом смысле исследованные материалы подтверждают существование в неолите значительных отличий в материальной культуре горных и равнинных областей Северо-Восточного Кавказа. Различия эти отчасти зависели от природно-географических, климатических и ландшафтных особенностей разных регионов, но в основе их оставался фактор социальный.

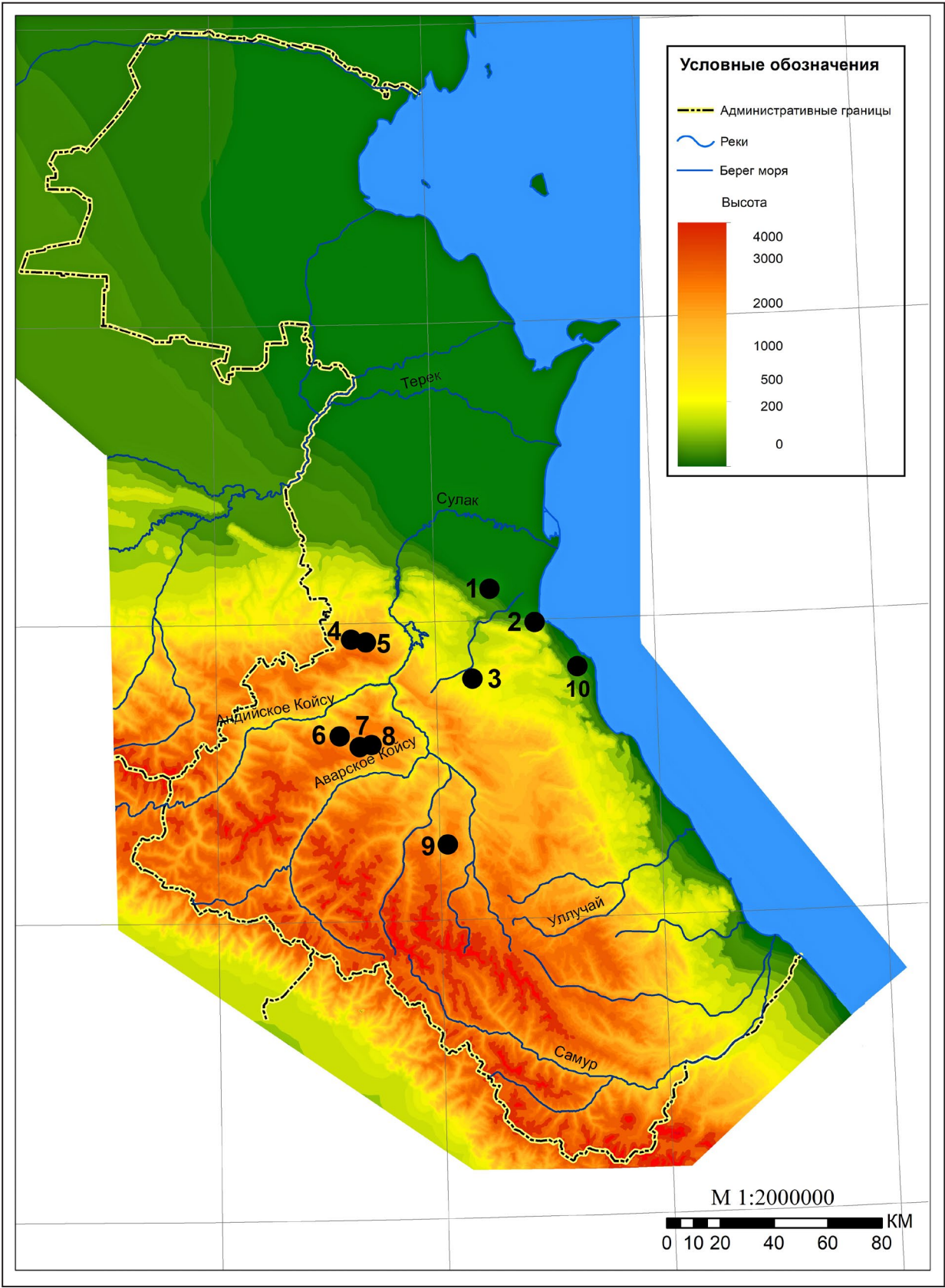

Рис. 1. Местоположение на карте, упоминаемых в статье памятники:
1 – Алмало; 2 – Тарнаир; 3 – Буйнакск; 4 – Данух 1; 5 – Данух 2; 6 – Матлас; 7 – Хунзах; 8 – Арани; 9 – Чох; 10 – Уйташ

Fig. 1. Location on the map of the sites mentioned in the article:
1 – Almalo; 2 – Tarnair; 3 – Buynaksk; 4 – Danukh 1; 5 – Danukh 2; 6 – Matlas; 7 – Khunzakh; 8 – Arani; 9 – Chokh; 10 – Uytash

Рис. 2. Расположение данухских неолитических стоянок относительно створа Харибского перевала. (Вид на С)

Fig. 2. Location of the Danukh Neolithic sites relative to the alignment of the Kharib Pass (View to the north)

Рис. 3. Разрез отложений стоянки Данух 1 в разведочной врезке 2007 года. (Вид на С)

Fig. 3. Stratigraphic section of the Danukh 1 site from the 2007 exploratory trench (View to the north)

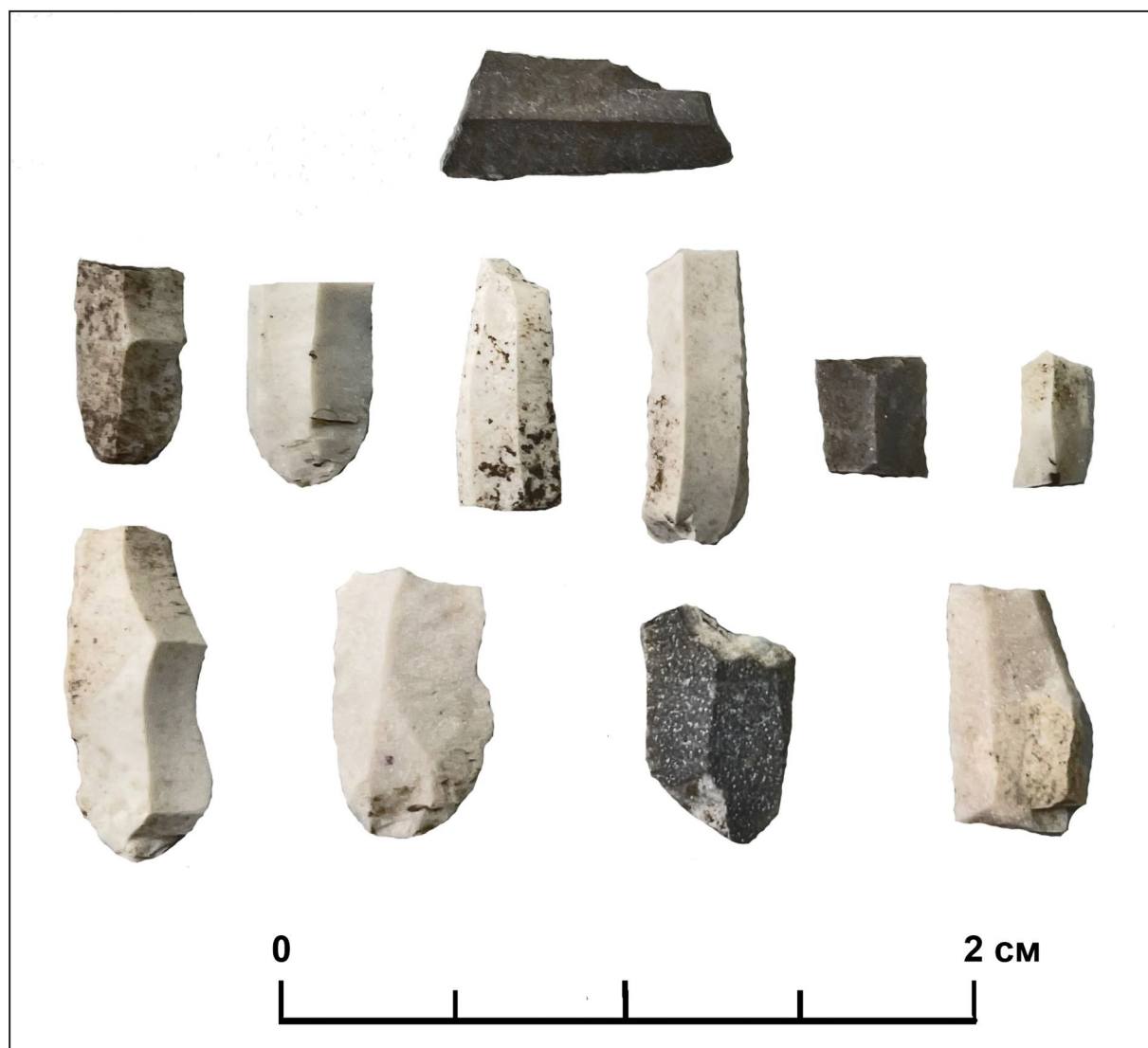

Рис. 4. Стоянка Данух 1. Образцы кремнёвых изделий. 1– низкая трапеция; 2-7 – микропластинки; 8-11 – пластинки

Fig. 4. Danukh 1 site. Samples of flint artifacts. 1 – low trapezes; 2–7 – microblades; 8–11 – blades

Рис. 5. Остатки длинной стены. (Вид с высоты птичьего полета)

Fig. 5. Remains of the long wall (Bird's-eye view)

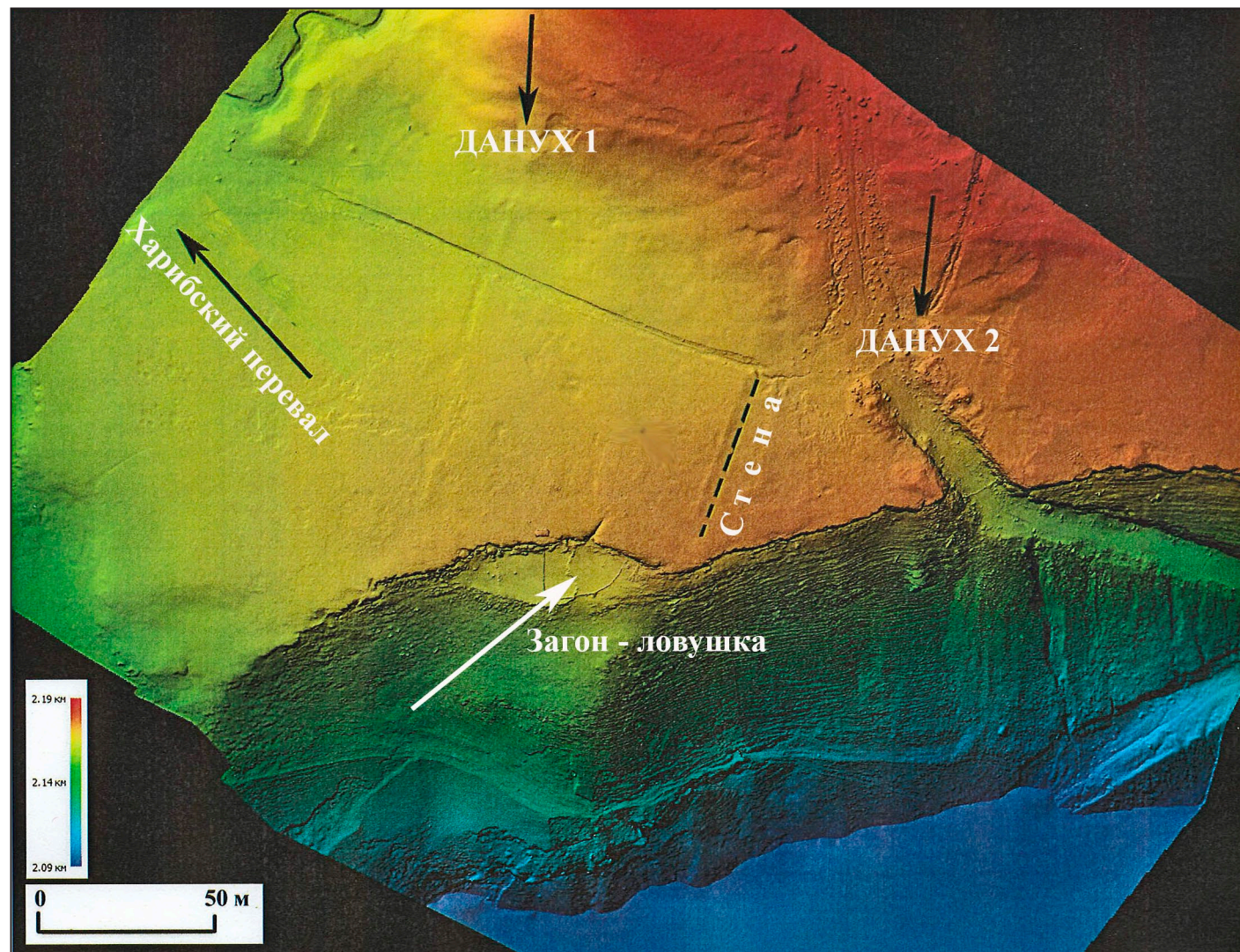

Рис. 6. Взаимное расположение данухских неолитических стоянок, остатков длинной стены и естественного загона-ловушки

Fig. 6. Relative positioning of the Danukh Neolithic sites, the remains of the long wall, and the naturally formed trap

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 225 с.
2. Бадер Н.О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // Советская археология. 1965. № 4. С. 3–16.
3. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987. 220 с.
4. Амирханов Х.А. Чохская археологическая культура: состав и структура базовых компонентов // Краткие сообщения Института археологии. 2023. Вып. 271. С. 7–23. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.271.7-23>
5. Марковин В.И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 67. С. 117–124.
6. Марковин В.И. Неолитическая стоянка близ Махачкалы // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 21–30.
7. Марковин В.И., Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // Краткие сообщения Института археологии. 1970. Вып. 124. С. 95–98.
8. Марковин В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана / Ред. и послесловие Х.А. Амирханова. М., 2006. 210 с.
9. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып. 67. С. 78–82.
10. Магомедов Р.Г. Сохранение археологического наследия – дело чести каждого // Археологические исследования в зоне строительства газопровода – отвода к с. Ботлих Ботлихского района Республики Дагестан. Махачкала, 2007. С. 3–17.
11. Таймазов А.И. Кремневые нуклеусы из Матласского поселения: контекст, морфология, культура // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (123). С. 221–228.
12. Ермолов Л.Б. Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии // Краткие сообщения Института археологии. 1985. Вып. 181. С. 40–44.

Поступила в редакцию 19.03.2024 г.

Принята в печать 14.04.2024 г.

Опубликована 15.06.2025 г.

REFERENCES

1. Kotovich VG. *Stone Age of Dagestan*. Makhachkala, 1964. (In Russ)
2. Bader NO. Variants of the Caucasus culture of the late Upper Paleolithic and Mesolithic. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1965; 4: 3–16. (In Russ)
3. Amirkhanov HA. *Chokh Settlement. Humans and Their Culture in the Mesolithic and Neolithic of Mountainous Dagestan*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)
4. Amirkhanov HA. Chokh archaeological culture: Composition and structure of basic components. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2023; 271: 7–23. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.271.7-23> (In Russ)
5. Markovin VI. Archaeological finds from the territory of Tarnair (Dagestan). *Kratkie Soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury*. 1957; 67: 117–124. (In Russ)
6. Markovin VI. Neolithic site near Makhachkala. *Materialy po Arkheologii Dagestana*. Vol. 1. Makhachkala, 1959, pp. 21–30.
7. Markovin V.I. Sarmatian tamga on the rocks of Uytash (Dagestan). *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 1970; 124: 95–98. (In Russ)
8. Markovin VI. *Rock Art of the Foothills of Dagestan*. Ed. and afterword by H.A. Amirkhanov. Moscow, 2006. (In Russ)
9. Markovin VI., Munchaev RM. Neolithic site near the city of Buynaksk (Dagestan). *Kratkie Soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury*. 1957; 67: 78–82. (In Russ)
10. Magomedov RG. Preservation of archaeological heritage – a matter of honor for everyone. *Archaeological studies in the area of the construction of the gas pipeline to Botlikh of the Botlikh district of the Republic of Dagestan*. Makhachkala, 2007: 3–17. (In Russ)
11. Taymazov AI. Flint cores from the Matlas settlement: Context, morphology, culture. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2017; 10(123): 221–228. (In Russ)
12. Ermolov LB. Hunting activities and ecology in the Stone Age of Northern and Central Asia. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 1985; 181: 40–44. (In Russ)

Received 19.03.2024

Accepted 14.04.2024

Published 15.06.2025